

Вместе с Ван Шаоцзюнем Ли Шуинь отправился осматривать общежитие. Местные условия оказались куда приличнее тюремных нар и чем-то напоминали спальные корпуса в колонии для несовершеннолетних. Обычные двухъярусные кровати стандартного размера — метр восемьдесят на метр пятьдесят.

Увиденное Шуиня вполне устроило. Вернувшись в крошечный отель, он забрал свои нехитрые пожитки и перебрался на новое место.

Однако парень и подумать не мог, что, вернувшись в комнату чуть позже, он случайно бросит взгляд в приоткрытую дверь и застанет столь пикантную сцену.

Внутри рослый, широкоплечий мужчина прижимал к себе хрупкий силуэт. Не успел Шуинь отвести глаза, как оба уже нетерпеливо повалились на кровать. Спустя мгновение из глубины комнаты донесся тихий, прерывистый вздох:

— Цинь-гэ, полегче...

Услышав этот голос, Ли Шуинь слегка опешил. Вторым любовником тоже оказался мужчина.

Он бесшумно притворил дверь, оставил сумки у порога и отошел на пару метров к выходу на балкон. Прислонившись спиной к прохладной стене, Шуинь прикрыл глаза, решив просто переждать.

Пока он витал в облаках, за дверью щелкнул замок, а следом донеслись тихие, сдавленные стоны и прерывистое дыхание, от которых у любого неподготовленного человека вспыхнули бы уши.

Шуинь покосился на запертую дверь, и на его губах промелькнула едва заметная, горькая усмешка.

«Он-то наивно полагал, будто подобной похотью страдают лишь зэки, годами не видевшие даже самок комаров. Надо же было так вляпаться с соседями в первый же день. Сплошная головная боль»

Вытащив из кармана наушники, он воткнул их в уши, наугад включил первый попавшийся трек и снова привалился к стене.

Ань Гэ как раз недавно выпустила новый альбом. Певица резко сменила привычный невинно-соблазнительный образ на агрессивную, первобытную сексуальность. Её хриплый, обжигающий голос проникал под самую кожу, выжигая легкие, а тяжелые гитарные риффы заставляли содрогаться саму душу.

Измотанный за день, Шуинь под этот неистовый, ревущий ритм ухитрился задремать прямо у

стены.

Примерно через полтора часа дверь наконец отворилась. Из комнаты, переговариваясь и весело пересмеиваясь, вышли двое.

Они успели переодеться и, судя по всему, принять душ — даже на расстоянии до Шуиня долетел отчетливый, свежий аромат мятного геля, исходивший от обоих.

Стоило Сы Жаню и Цинь Шусиню переступить порог, как они наткнулись взглядом на застывшего у стены парня. Смутившись под чужим, пусть и воображаемым прищуром, они поспешно разжали пальцы и отстранились друг от друга.

Цинь Шусинь сбавил шаг и приложил палец к губам, призывая Сы Жаня к тишине. Он явно намеревался увести своего любовника незаметно, не тревожа спящего соседа.

Но стоило им поравняться с Ли Шуинем, как тот открыл глаза.

Сначала веки лишь слегка дрогнули, приоткрыв затуманенный полудремой взор. Сы Жань успел заметить лишь странный, глубокий блеск, но не успел он и глазом моргнуть, как парень распахнул глаза полностью. Взгляд соседа оказался настолько колючим и ледяным, что буквально пригвоздил Сы Жаня к месту.

Испугавшись, тот замер как вкопанный, не смея пошевелиться.

Цинь Шусинь инстинктивно шагнул вперед, заслоняя партнера плечом. Шуинь же, безразлично скользнув по ним взглядом, не произнес ни слова. Он просто прошел мимо к дверям, наклонился и поднял свои сумки.

Лишь тут до парочки дошло, что перед ними — их новый сосед по комнате. И пришел он, судя по всему, довольно давно, терпеливо дожидаясь на сквозняке, пока они закончат свои ласки.

Лицо Сы Жаня вмиг залила пунцовая краска. Он еще глубже забился за спину Цинь Шусиня, сгорая от неловкости и страха перед тем, что их тайну так бесцеремонно раскрыли.

— А ну стой! — окликнул его Цинь Шусинь.

Однако Шуинь даже ухом не повел. Проигнорировав окрик, он спокойно перешагнул через порог.

Не успел парень занести вторую ногу, как Шусинь резко перехватил его за запястье.

Реакция Ли Шуиня оказалась молниеносной. Он мгновенно выкрутился из захвата, перехватил руку нападавшего и заломил её за спину с такой силой, что сустав жалобно хрустнул. Еще секунда — и плечо просто вылетело бы из суставной сумки.

Шусинь никогда не сталкивался с такой умопомрачительной скоростью. Руку пронзила острая боль; спасая сустав, он был вынужден изогнуться всем телом и уставиться на противника снизу вверх.

Посмотрев на холодное, словно высеченное из гранита лицо соседа и его короткий армейский ежик волос, он почти машинально решил, что перед ним военный.

— Ты из десантуры? Или отставник? — выпалил Шусинь, но тут же осёкся: для ветерана парень выглядел слишком молодо.

Шуинь промолчал. Убедившись, что нападать снова тот не собирается, он просто разжал пальцы.

Равнодушно окинув взглядом притихшую парочку, он обронил короткое:

— Только один раз.

И перешагнул порог комнаты.

Слов было немного, но оба прекрасно поняли подтекст. Новому соседу было плевать на их личную жизнь, и разносить сплетни он не собирался. Но терпеть подобные оргии в комнате, где ему предстоит жить, он не намерен.

В воздухе всё ещё стоял тяжелый, приторный запах недавней близости. Шуинь настежь распахнул дверь для проветривания и принялся обустраивать свое спальное место.

Каким бы удушливым ни казался этот дух, он всё равно был в стократ лучше того смрада, к которому парень привык в тюремных стенах.

Он расстелил свое скромное казенное одеяло, после чего застирал и повесил сушиться сменную одежду.

Покончив с нехитрым бытом, он растянулся на матрасе, врубил музыку в наушниках и прикрыл глаза.

Около пяти вечера сквозь дрему пробилась басы чужого динамика. Шуинь, обладавший чутким слухом, поморщился от нарастающего шума и выкрутил громкость в своих наушниках на максимум.

Виновником переполоха оказался Ци Дундунь. Этот парень бредил танцами и практически никогда не выключал колонку, шагая по коридорам так, словно любая ровная поверхность была его личной сценой, где можно в любой момент выдать пару па и крутануть пируэт.

Напевая под нос и скользя лунной походкой, Дундунь замер у входа. Обнаружив, что дверь не заперта, он картинно развернулся и спиной толкнул её внутрь.

— Разорви оковы, сокруши реальность!.. — донеслось из коридора.

Пребывая в преотличном расположении духа, он эффектно замер в финальной позе, после чего небрежно швырнул на стол шуршащий пакет с острой закуской.

Обернувшись, Дундунь удивленно уставился на соседнюю койку, из-под одеяла которой виднелся чей-то практически безволосый затылок.

«Ого, а новичок-то с характером. Вылитый послушник из Шаолиня»

Любопытство взяло верх. Сделав пару шагов, Дундунь бесцеремонно навис над кроватью Шуиня и заглянул ему в лицо. Рассмотрев соседа поближе, он расплылся в широкой улыбке:

— Надо же, какой симпатичный послушник попался!

Ли Шуинь разомкнул веки. Прямо перед ним, сияя как начищенный медный таз, стоял пацан лет пятнадцати-шестнадцати. Шуинь молча приподнял руку и вяло махнул в сторону, показывая, что тот застит свет.

Дундунь послушно отстранился, но уходить не спешил — уцепившись за перекладину яруса, он вальяжно облокотился на спинку кровати.

Поняв, что грохочущий из наушников соседа рэп забивает всё вокруг, Дундунь выключил свою колонку и дружелюбно представился:

— Я Ци Дундунь. А тебя как звать, бро?

Будучи самым младшим в компании, он отличался покладистым нравом и услужливо величал «братцем» любого, кто был хоть ненамного старше.

Ли Шуинь выключил плеер, стянул наушники на шею и негромко обронил:

— Ли Шуинь.

— Бро, ты тоже в артисты метишь? Я вот танцор, зажигаю в клубах. А ты по какой части? — Дундунь отложил телефон, придвинул стул и устроился на нем верхом, уперевшись подбородком в спинку.

— Официант.

— Оу... — Дундунь опешил. С такой-то породистой внешностью — и в официанты?

— Совсем без опыта, да? — понимающе протянул он.

«Скорее всего, у парня просто не было никаких полезных талантов, вот и пришлось перебиваться черной работой. Что ж, жизнь — штука сложная, у каждого свои трудности»

— Ты вообще ужинал? — Дундунь резво вскочил, подхватил со стола пакет и раскрыл его. По комнате тут же пронесся густой, дразнящий аромат жгучих специй и сычуаньского перца.

— Глянь, притащил деликатес — острые кроличьи головы! Будешь?

Ли Шуйнь бросил взгляд на плавающие в багровом масле черепа с оскаленными, мелкими зубами, и к горлу мгновенно подкатила тошнота.

С трудом подавив рвотный позыв, он отрицательно качнул головой.

Но Дундунь, решив, что сосед просто скромничает, настырно ткнул пакет ему прямо под нос.

— Да ладно тебе! Я их на задней улице у тётушки Лян брал. Она сама из Сычуани, готовит — пальчики оближешь, острота нереальная!

Выдав эту тираду, Дундунь выудил из кармана целлофановые перчатки, явно намереваясь устроить дружеские посиделки.

— Слушай, Сяо Ли-гэ, а кем ты раньше работал? — Натянув перчатки, парень ловко выудил скользкий череп и с хрустом разломил его пополам прямо по линии челюсти. Густое алое масло потекло по пальцам. Дундунь с упоением впился зубами в мясо, шумно вытягивая острый соус.

Измазав губы красным жиром, он аппетитно облизнулся и продолжил обгладывать кости. В глазах Ли Шуйня каждое движение его челюстей словно замедлилось до предела.

В висках застучала тупая, изнуряющая боль. Из бездны памяти непрошеным призраком выплыло воспоминание о том, как он сам, изнывая от безумного, животного голода, разрывал

зубами сырое мясо бродячих кошек.

«Впрочем, если подумать, его прошлое ничем не отличалось от настоящего. Дело было не в жестокости или дикости. Люди везде одинаковы. Разница лишь в том, чью именно плоть они подают к столу»

Шуинь резко поднялся, подхватил пакет с остатками кроликов, швырнул его на стоящий у входа стол и молча вышел из комнаты.

Едва стрелки часов перевалили за семь вечера, как улицы района Писи начали расцветивать неоновые вывески заведений.

Этот новый, бурно развивающийся сектор столицы по части ночной жизни ничуть не уступал фешенебельному Шандуну.

Дневное оцепенение спало, уступив место шумному, хмельному веселью. Озаренные иллюминацией небоскребы выстроились вдоль дорог, словно разодетые девицы, щеголяющие своими изысканными формами перед толпой гуляк.

К моменту прихода Ли Шуиня и Ци Дундуня в просторном холле клуба уже вовсю толпилась разношерстная молодежь.

В основном парни, примерно одного возраста с Шуинем. Они вальяжно сидели на диванах, стояли кучками или полулежали, заполняя холл громким хохотом и шутливой потасовкой.

В самом центре этой компании восседал мужчина. Из одежды на нем была лишь черная борцовка, выгодно подчеркивающая смуглую, тренированную кожу. Бугрившиеся мышцы рук так и приковывали взгляд, источая мощную, животную притягательность. Закинув длинные ноги прямо на журнальный столик, он чувствовал себя здесь абсолютным хозяином.

Между тонкими пальцами тлела сигарета, с которой он лениво стряхивал пепел. На его губах блуждала привычная дерзкая ухмылка. Черты его лица нельзя было назвать классически красивыми, но во всей его фигуре сквозило то неуловимое обаяние порочного мерзавца, от которого невозможно отвести взгляд.

— Совсем страх потеряли, щенки, — добродушно проворчал Чэн Цы, вальяжнее растекаясь по кожаным подушкам дивана. В каждом его жесте сквозила ленивая, вальяжная расслабленность. — Уже над старшими потешаться вздумали?

В ту же минуту к нему подсел холеный юноша в приталенном пиджаке, лакированных туфлях и с безупречным макияжем. Принявшись усердно массировать Чэн Цы плечи, он капризно

протянул:

— Цы-гэ, ну поговори ты с господином Цинем! Пускай меня вернут в «Пьяный Рассвет». Что это за дыра такая? Я тут и дня лишнего оставаться не хочу.

«Пьяный Рассвет» по праву считался самым роскошным вертепом Шандуна. Там было всё: от элитных развлечений и безупречной охраны до редчайшего алкоголя и баснословно дорогих сделок.

Там торговали не просто выпивкой — там продавали иллюзии, изысканное общество прекрасных юношей и девушек, сладкие грезы и любые способы забыться от мирских забот.

Сун Цзымо, Ван Шаоцзюнь и Чэн Цы когда-то заправляли делами в этом раю, но имели глупость разгневать своего всемогущего босса, за что и были сосланы в эту глухомань.

Чэн Цы поручили подмять под себя весь криминальный сектор Писи и закрепиться здесь в роли теневого хозяина. Ван Шаоцзюнь должен был расширить влияние их заведения и вывести «Прцветающее Величие» на лидирующие позиции в районе. Ну а на долю изнеженного Сун Цзымо выпала подготовка молодых танцоров, вокалистов и просто смазливых пустышек, которых позже можно будет выгодно пристроить в «Пьяном Рассвете».

Вот только капризный Цзымо, привыкший к сытой и праздной жизни метрополии, совершенно не горел желанием начинать всё с нуля на окраине. Он искренне полагал, что эта работа — ниже его достоинства.

Возиться с неотесанной деревенщиной, пытаться вылепить из нее благородный товар для элитного клуба, казалось ему сущим наказанием.

Цзымо продолжал усердно мнать ему шею. Чэн Цы снисходительно усмехнулся и выдал свою стандартную дежурную отговорку:

— Сделай за этот месяц выручку в пять миллионов, и я лично попрошу господина Цина забрать тебя обратно.

Лицо Сун Цзымо мгновенно вытянулось. С местными грошовыми расценками он и за полгода не соберет такую сумму.

В былые времена богатые покровители осыпали его чаевыми, заказывая подарочные корзины за десятки тысяч юаней. А тут несчастный букет стоит жалкие шестьсот восемьдесят восемь. Это сколько же ему пахать придется?

— Цы-гэ, ты издеваешься? Это же нереально! — обиженно фыркнул Цзымо и, демонстративно убрав руки, отсел на край дивана.

«Почему же нереально? — Чэн Цы цинично прищурился. — Цинь Шусинь как-то справляется»

Но Цзымо был слишком горд и изнежен, чтобы опускаться до тех методов, которыми пользовался Шусинь.

Глядя на эту надутую мину, Чэн Цы лишь покачал головой. С одной стороны, хотелось отвесить парню затрещину за лень, с другой — глупо требовать ума от того, кто всегда зарабатывал исключительно смазливой мордашкой. Проще было махнуть рукой.

Да и сам Чэн Цы спал и видел, как бы поскорее вернуться в столицу. Но «Пьяный Рассвет» принадлежал могущественному клану Шан. А они умудрились перейти дорогу любимчику самого председателя. После такого их не закопали живьем — и то слава богу. Радоваться надо, что вообще при деле остались.

Ли Шуинь, уловивший обрывки их разговора, остался совершенно равнодушен. Скользнув взглядом по собравшимся, он развернулся и направился в сторону служебной кухни.

После тяжелого трудового дня желудок сводило от голода. В тюрьме баланду раздавали строго по часам, а на свободе приходилось заботиться о пропитании самому.

Скоро начнется вечерний наплыв гостей, и если не перекусить сейчас, то о еде можно будет забыть до самого утра.

Стоило ему сделать шаг, как вынырнувший из ниоткуда Ци Дундунь крепко вцепился ему в локоть и потащил напрямик к диванам.

Шуинь попытался стряхнуть чужую руку, но настырный малый обошел его сзади и бесцеремонно подтолкнул в спину.

— Да не дичись ты так! — зашептал Дундунь. — Чэн Цы у нас тут главный. Даже если тебе тошно от пустой болтовни, начальству нужно засвидетельствовать почтение.

В его словах имелся резон. На воле выказывать излишнюю спесь не стоило. Здесь был не тюремный барак, где каждый шорох заставлял эков бледнеть от страха перед ним.

Хочешь не хочешь, а играть по общим правилам придется. Десять лет выживания на самом дне научили его гнуть спину перед обстоятельствами. Вот только врожденная гордость, которую не смогли выбить даже надзиратели, продолжала глухо ворочаться в груди, отравляя каждый компромисс с совестью.

Умей он вовремя смолчать да прогнуться, глядишь, и судьба сложилась бы куда милосерднее.

— Цы-гэ, здорово! Ты сегодня пораньше! — весело воскликнул Дундунь, протискиваясь вперед.

Ван Шаоцзюнь, сидевший неподалеку, обернулся на голос и заметил стоявших бок о бок Шуиня и Дундуня.

Чэн Цы глубоко затаился, сквозь сизый дым долго и придирчиво рассматривая новенького. Наконец его губы растянулись в хищной усмешке:

— А парень-то смазливый. Порода чувствуется.

— О чем и речь! — самодовольно хмыкнул Ван Шаоцзюнь. — С такой внешностью в шоу-бизнесе за одну ночь звездой становятся. — Он перевел оценивающий взгляд на Шуиня.

Да уж, физиономия новичка с каждой секундой казалась ему всё более прибыльным активом.

— Протекция Цинь Шусиня? — поинтересовался Чэн Цы.

— Сам пришел, — покачал головой Шаоцзюнь. — Я-то сперва решил, что это и есть приятель Шусиня, о котором тот просил. Оформил его, а через минуту заявляется сам Шусинь под ручку с Сы Жанем. Вышла накладка.

Не будь этой путаницы, Шаоцзюнь сегодня вообще бы в клубе не появился. Много чести — управляющему лично собеседовать каждого кандидата на разнос подносов.

Но, несмотря на недоразумение, выставлять парня за дверь он не собирался. Лишний рот «Прцветающее Величие» как-нибудь прокормит.

Тем более упускать такое сокровище было бы верхом глупости. Да за один только этот профиль его стоило удерживать зубами и когтями. Выставить подобную золотую жилу на улицу — преступление против собственного кармана.

Ван Шаоцзюнь прищурился, вновь пристально вглядываясь в точеные черты Ли Шуиня. Чертовски похож. Просто одно лицо с тем молодым господином из семейства Шан.